

Украина без России в украинских учебниках

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

2008 № 12

Европейский национализм родился в эпоху Романтизма и естественным образом вобрал в себя дух той возвышенной эпохи. Поэтому в наиболее чистом и последовательном виде он представляет собой миф¹. Великий и прекрасный миф о великом и прекрасном народе, который предстает единым живым существом, чистым, цельным и нуждающимся в защите со стороны лучших своих представителей, проникнутых национальным чувством от других народов-угнетателей. А еще — в защите от своих не проникнутых «возвышенным» национализмом соотечественников. Таких, знаете, реальных, из плоти и крови людишек, которые вертятся под ногами и крайне мало напоминают тех прекрасных чудо-индивидов, которым только и надлежит быть членами мистического НАРОДНОГО тела.

Именно поэтому, провозглашая своей главной целью счастье народное, спаянное единым языком, почвой и кровью, националисты наносят наибольший вред прежде всего именно собственному народу.

В этом смысле весьма показательна фраза провозглашенного в государстве Украина национальным героем нациста Р. Шухевича: «ОУН должна действовать так, чтобы все, кто признал советскую власть, были уничтожены. Не запугивать, а физически уничтожить. Не нужно бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пусть из 40 миллионов украинского населения останется половина — ничего страшного в этом нет»². Мысль изверга (про-

АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО Петр Петрович — заместитель председателя редакционного совета журнала «Свободная Мысль», председатель и официальный представитель Русского Исторического Общества Заграницей в России.

АУРОВ Олег Валентинович — доцент Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук.

Ключевые слова: Украина, история, образование, учебники истории, национализм, нацизм, Россия, образ врага, политическая пропаганда, историческая политика.

¹ Концепция нации как «воображаемого сообщества», скрепленного искусственно созданной национальной мифологией, выдвинутая в свое время Б. Андерсоном (см. **Anderson B.** *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of the Nationalism*. London, 1983), в настоящее время обрела множество сторонников в научной среде (см., например, статьи в сборнике: *Национализм в мировой истории*. / под ред. В. А. Тишкова и В. А. Шнирельмана. М., 2007).

² См. *История Украины: учебн. пособ. для 11 класса средней общеобразовательной школы* / **Шевчук В. П. и др.** Запорожье, 2002. С. 78.

³ Друг дома одного из нас, бывший партийный работник из Миргорода, стопроцентная украинка, в 1946 году едва избежала бандеровской пули: в Карпатах она посмела руководить заготовкой строительного леса для целей восстановления пострадавшего от войны родного города.

стите, государственного героя Украины) читается предельно четко: лишь выжившие будут достойны высокого звания украинца. И, как мы знаем, рука «подлинных украинских патриотов» из УПА не дрожала³. Глядишь, если бы не ответные «зверства» «москальского» НКВД — и уничтожили бы.

Это обыкновение безжалостно ампутировать «больные члены» является, по-видимому, столь неотъемлемой частью националистической практики, что прослеживается едва ли не во всех видах деятельности. В том числе — и в сфере преподавания истории. Возникает впечатление, что «обычная» — построенная на основе данных источников — история способна приобрести подлинно «национальный» характер только путем вивисекции — операции, возможно и болезненной, но крайне необходимой. Ведь для националистов школа — это передовая фронта борьбы за формирование истинной нации, передний край которой — это преподавание «родных» литературы, языка и, разумеется, истории⁴.

Ниже мы постараемся проиллюстрировать эту мысль на примере современных школьных учебников истории Украины. Сразу же оговоримся, что наши наблюдения носят лишь частичный характер. Как и в России, на Украине не существует единых для всей страны нормативных учебников по школьным предметам; учителю предоставляется право самостоятельного выбора из нескольких существующих версий. Кроме того, просмотренные нами учебники изданы и приобретены в Восточной Украине: среди них нет ни одного, вышедшего во Львове. Издательства, их выпустившие, расположены в Запорожье («Просвита»), но главным образом — в Киеве («Генеза»). Так что, надо полагать, мы имеем дело с некими усредненно-нейтральными версиями. Следует также признать, что лишь два из шести проанализированных нами учебников вышли в свет после победы «оранжевой» революции (2004 год), вслед за которой, как известно, темпы «украинизации» среднего образования значительно ускорились. При этом три из шести учебников, составляющих полный комплект, являются переводами оригинальных украинских версий⁵.

Вместе с тем предлагаемый анализ все же не лишен определенной степени репрезентативности уже потому, что охватывает весь комплект учебников по украинской истории для средней школы, изданных на русском языке. Он включает «Введение в историю Украины» В. С. Власова и О. Н. Данилевской, предназначенное для учеников 5 класса общеобразовательных школ; «Историю Украины с древнейших времен до XV века» Р. Д. Ляха и Н. Р. Темировой (7 класс); «Историю Украины. XVI—XVIII века» А. К. Швыдько (8 класс); «Историю Украины. Конец XVIII — начало XX века» Ф. Г. Турченко и В. Н. Мороко (9 класс); «Новейшую историю Украины. Часть первую. 1914—1939» Ф. Г. Турченко (10 класс) и, наконец, завершающий комплект учебник «Ис-

⁴ На первостепенное значение системы образования в процессе нацистроительства в свое время обращал внимание еще одни из основоположников современной науки о национализме Э. Гелнер (см. **Смит Э.** Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004).

⁵ Речь идет о следующих учебниках: **Власов В. С., Данилевская О. Н.** Введение в историю Украины: учебник для 5 кл. общеобразоват. учеб. заведений : пер. с укр. Киев: Генеза, 2006 [оригинал. назв.: **Власов В. С., Данилевська О. Н.** Вступ до історії України. К.: Генеза, 2005]; **Швыдько А. К.** История Украины. XVI—XVIII века: учебник для 8 кл. общеобразоват. учеб. заведений : пер. с укр. Киев: Генеза, 2004 [**Швыдько А. К.** Історія України. XVI—XVIII століття. К.: Генеза, 2003]; **Турченко Ф. Г.** Новейшая история Украины. Ч. 1. 1914—1939: учебник для 10 кл. общеобразоват. учеб. заведений. Киев: Генеза, 2004 [**Турченко Ф. Г.** Новітня історія України. Частина перша. 1914—1939. К.: Генеза, 2001].

тория Украины» В. Н. Шевчука, Р. Г. Тараненко, Ф. Л. Левитаса и А. В. Гисема (11 класс) (хронологически он продолжает учебник Ф. Г. Турченко)⁶. Все учебники предназначены для учеников, для которых украинский язык не является родным. Однако они отнюдь не освобождаются от обязанности приобщения к государственному сознанию.

Последнее, впрочем, само по себе вполне нормально. В любой стране (и Россия — отнюдь не исключение) одной из основных задач общеобразовательной школы является приобщение к идеологическим представлениям и ценностям, провозглашаемым соответствующим государством. Однако Украина — случай особый. С соседним государством ее народ связывают не только 342 года последнего этапа общей истории и более 300 лет истории Киевской Руси, но и само происхождение этого государства в его нынешних границах! За это время слишком многое (включая человеческие судьбы) не только пересеклось, но и неразделимо слилось в единое целое. И все эти пересечения, слияния и взаимовлияния оказываются неприемлемыми для украинского националистического мифа, ибо нарушают его абстрактную логичность и целостность. А поэтому все лишнее подлежит искоренению.

И — искореняется.

Возьмем, к примеру, учебник, предназначенный для детей, только начинающих изучать «родную» историю (см. «Введение в историю Украины»). Строго говоря, это даже не учебник, а сборник рассказов — что вполне понятно, учитывая возраст учеников (5 класс). Так что же ребенок сможет узнать о древнейшем периоде «родного» государства? В соответствующем разделе он узнает, что ее истоки восходят к «Княжеской Руси—Украине» (см. С. 39—86). Однако земли, в современную Украину не входящие, к этому государству отношения как бы не имели — они просто не упоминаются. Словно бы великий «украинский» князь Ярослав Мудрый не основывал Ярославля на далекой Волге, киевский князь Юрий Долгорукий — не был основателем Москвы, а в процессе дробления не появилось ни Владимиро-Суздальской, ни Псковско-Новгородской земель, ни «Черной Руси» (современной Белоруссии)... Новгород же упоминается один раз и вскользь — лишь как город, из которого в 862 году прибыл Олег (см. С. 41). А то, что он при этом объединил Киев и Новгород, не упоминается вообще. Зато ребенок узнает, что в Галицко-Волынской Руси возникло «первое украинское королевство» (С. 63).

На страницах 87—134 мальчик или девочка 10—11 лет прочитают про «Украину казацкую» и ее славных героев — П. Сагайдачного, Б. Хмельницкого и, разумеется, И. Мазепу. Здесь уж (применительно к двум последним) никак нельзя не упомянуть соседнюю страну, к которой присоединилась славная казацкая Украина. Что же это за страна? Называется она... Москвития. Причем на страницах 108—111 помещен беллетризированный рассказ о сомнениях Богдана Хмельницкого, думающего в момент принесения присяги в Переяславле, не ошибся ли он, пойдя на союз с «Москвой». Ясное дело — ошибся! А Мазепа попытался было запоздало вернуть Украине свободу, да поздно было... Причем про Мазепу говорится много и с удовольствием (что, впрочем, не удивляет). Читатель узнает о том, какой это был образованный человек, сколько храмов во славу родного Отечества и «украинской

⁶ См. Лях Р. Д., Темирова Н. Р. История Украины с древнейших времен до XV века: учебник для 7 кл. средн. шк. Киев: Генеза, 2000; Турченко Ф. Г., Мороко В. Н. История Украины. Конеч XVIII — начало XX века: учебник для 9 кл. общеобразоват. шк. Изд. 2, перераб. и доп. Запорожье: Просвіта, 2001.

культуры» построил на свои деньги. Вот только о его вероломной измене русскому царю — ни слова (вместо этого говорится о «восстании»). Ну и, разумеется, ни слова об анафеме, которой Церковь подвергла мятежного гетмана, и уж тем более о том, что вместе с ним к шведам ушла лишь жалкая кучка казаков, а остальные остались верны России (простите, Московии...). Замыкает линию казацких героев П. Полуботок, бесстрашно выступивший в защиту казацких вольностей перед «московским царем» Петром I. Вскользь упоминаются также Д. Апостол и К. Разумовский — два последних гетмана. Заканчивается же раздел историей жестокого разорения Запорожской Сечи и гимном во славу украинской культуры XVII—XVIII веков (впрочем о том, как сильно повлияла эта культура на соседнюю страну, не сказано ни слова).

Раздел «Украина в 19—20 вв.» (см. С. 135—188) отражает исторический материал крайне неравномерно. Большая его часть (см. С. 137—159) посвящена деятелям «украинского возрождения» — от Т. Шевченко до автора современного государственного гимна «Ще не вмерла України...» П. Чубинского. Одна страница посвящена Первой мировой войне (С. 159). Ребенок так и не узнает, между какими странами она шла. Зато ему расскажут про австро-венгерских сичевых стрельцов, воевавших с Российской империей (слово «Россия» явно не выговаривается авторами). Подобным же образом сообщается о Великой Отечественной войне, причем ни одно сражение за пределами Украины не упоминается вообще; вероятно, ребенок должен считать, что Украиной все и ограничилось. Зато нашлось место для того, чтобы наряду с советскими партизанами упомянуть и о славных подвигах воинов УПА, воевавших за «независимую украинскую державу» (см. С. 175).

Позволим себе более не останавливаться на означенном идеологическом ублюдке истории: думается, сказанного вполне достаточно для понимания сути. Но здесь в случае учебника В. Власова и О. Данилевской подобные «лакуны» можно объяснить по крайней мере жанром: в конце концов это — не настоящий учебник, а, скорее, книга для чтения, ограниченная по объему, в который, при всем желании, невозможно вместить достаточно фактического материала. Правда, уж очень характерными являются пропуски, но... Лучше перейдем к книгам для детей более «изрядного» возраста. В частности, на очереди оказывается учебник А. Швыдько, охватывающий период XVI—XVIII веков (об учебнике для 7 класса мы скажем ниже). Довольно значимая часть этого периода приходится на «нероссийский» этап украинской истории, так что мы коснемся лишь тех глав, в которых эта история (должна быть...) отражена относительно полно.

Для начала же заметим, что упрекнуть А. Швыдько в *случайном* незнании фактов просто невозможно: перед нами — крепкий профессионал, скорее перенасыщающий текст фактическим материалом, чем игнорирующий его. Тем очевиднее зияющие в тексте лакуны. По понятным причинам начнем их выявление с эпохи Б. Хмельницкого (см. С. 140 и далее; а также С. 76—78 об эпохе ходившего на Москву гетмана Сагайдачного). Так вот, лишь на странице 172 в главе, излагающей события, связанные с Переяславской Радой, появляется... нет, опять не Россия, а, разумеется, «Московское государство» («Московия»). Впервые соседняя страна фигурирует применительно к событиям 1653 года. Ни одного упоминания о предыдущих связях — как политических, так и культурных (за исключением деятельности первопечатника И. Федорова и посольства Ф. Одиенца в Москву (1620 год)). В частности, о роли украинского клира в подготовке церковной реформы патриарха Никона ученик так ниче-

го и не узнает (зато узнает о Конотопской битве 1659 года, в которой полки гетмана-предателя И. Выговского разбили якобы «огромную московскую армию»). Что же касается других событий русско-польской войны 1654—1667 годов, то они излагаются крайне подробно лишь в той части, которая происходила на территории Украины, об остальном говорится вскользь.

Подобным же образом в тексте возникают упоминания о Степане Разине (см. С. 226). А о Северной войне (см. С. 242 и далее) ученик не узнает ничего, поскольку значительная часть связанных с ней событий протекала вне Украины. И это при том, что собственно «украинская» часть излагается буквально до деталей! В том числе находится место и для оправдания предательства И. Мазепы: оказывается, что он «не вышел за рамки существовавшего во всей Европе неписаного права в отношении между вассалом и сюзереном» (С. 253); о том, что к началу XVIII века феодальная эпоха вместе с этим феодальным «правом» «во всей Европе» уже давно завершилась, весьма ученая дама А. Швыдько упомянуть, видимо, «забывает». В завершающем учебник разделе о культуре XVII—XVIII веков украинский историк тоже много чего «не упомянула». Например, то, что С. Полоцкий (см. С. 298) значительную часть своей жизни провел в России, был воспитателем царских детей и т. д.; С. Яворский (см. там же) длительное время занимал пост местоблюстителя патриаршего престола после смерти патриарха Адриана; что Ф. Прокопович был не только «пламенным сторонником реформ Петра I» (С. 300), но и выдающимся русско-украинским мыслителем, едва ли не первым теоретиком русского самодержавия (да-да, того самого, которое так безжалостно угнетало Украину), и что именно им был реализован проект церковной реформы, связанный с упразднением патриаршества и введением Синодального управления⁷.

Признать подобное, видимо, просто «неудобно». Потому что факты такого рода разрушают создаваемый украинским националистическим руководством идеологический образ Украины как колонии Российской империи. Ведь иначе окажется, что выходцы из Малороссии не только ощущали себя неотъемлемой частью презренной «Московии» и активно использовали открываемые ею возможности в своих личных целях, но и участвовали в строительстве имперской государственности, находясь у самой ее вершины. Но, пожалуй, наиболее значимым является другое красноречивое умолчание А. Швыдько. Посвятив большую часть своего учебника ключевому для украинской исторической мифологии Казацкому периоду национальной истории, она, столь тщательная в мелочах, пересказывающая едва ли не по дням историю каждого отдельного гетманства, не находит места хотя бы для нескольких строк, которые буквально напрашиваются, исходя из содержания изложенных ею фактов.

А именно для того, что «славные» гетманы в своих личных интересах, в тщеславном желании сохранить и приумножить свои власть и богатства, ничтоже сумняшеся, раз за разом приводили на родную землю иноземные — то польские, то турецко-татарские, то русские — войска, искусными интригами противопоставляя великие державы друг другу, дабы извлечь из этого свой «скромный» профит. И что последним в этом преуспел ее «любимый» герой Мазепа, призвавший шведов Карла XII. Излишне доказывать, что каждый из

⁷ Для сохранения объективности следует указать, что значительная роль художников Д. Левицкого, А. Лосенко, В. Боровиковского и скульптора И. Матоса в современной им русской культуре все же оговаривается, хотя и без комментариев (см. С. 307).

этих почти бесчисленных рейдов неизменно заканчивался грабежом, а в случае поляков, турок и татар — еще и убийствами и даже угоном в рабство украинского населения. Так что несчастный народ дорого заплатил за столь любимую нынешними украинскими националистами «казацкую вольницу». И лишь окончательное включение Украины в состав «жестокой», «кровавой» и прочей империи наконец принесло ей выстраданный мир. Впрочем, что значат судьбы простых людей в сравнении с величием мифа (см. выше о Р. Шухевиче)? Воистину: лучше уж кровавая «Руина», чем Москва с ее «колониализмом»!

Само собой, А. Швыдько термина «колониализм» прямо не употребляет. Зато продолжающий ее текст хронологически (конец XVIII — начало XX века) учебник Ф. Турченко и В. Мороко буквально пестрит им. Признаться, степень предвзятости подходов и оценок из всех проанализированных учебников этот оставляет наиболее мерзкое впечатление. Впрочем, как и в предыдущих случаях, его авторов нельзя обвинить в прямой лжи. Вот только степень умалчивания «неудобных» фактов достигает здесь своего предела.

Приведем лишь наиболее красноречивые примеры. На странице 12 авторы приводят данные о том, что за период между концом XVIII и концом XIX века доля украинского населения в девяти украинских губерниях империи снизилась с 89 до 72,6 процента. Далее следует вывод: «Причиной этого была антиукраинская миграционная (переселенческая) политика Российской империи, направленная на усиление контроля над Украиной». Что ж, переселенческая политика действительно осуществлялась имперскими властями, а также помещиками по собственной инициативе. Вот только доказать ее антиукраинский характер проблематично: с присоединением Новороссии (земель от Тамани до Днестра) возникала проблема заселения этих, по разным причинам опустевших, земель. При этом (что авторы сами признают ниже) большинство поселенцев составили именно этнические украинцы. Но присоединенные территории были слишком обширны. Поэтому миграции затянулись на десятилетия (вспомним хотя бы историю Чичикова, по всей России искавшего души «на вывод») и распространились на представителей самых разных этносов — русских (насильственно переселявшихся собственными помещиками), греков, армян, болгар, евреев и др. Неужели авторы «забыли» приведенный нами факт?

А вот еще один пример такой же «забывчивости». Говоря о состоянии украинской торговли первой половины XIX века (см. С. 39—40), авторы с гневом констатируют, что на Украину завозился текстиль и другие промышленные товары, а вывозились лишь сельскохозяйственное сырье и продукты его переработки (водка и сахар). Следует вывод: «Такой характер торговли свидетельствовал об экономической эксплуатации Украины. Ведь у нее было все для собственного производства товаров, которые завозились из России». Казалось бы, логично. Если, впрочем, не учитывать такого явления, как... все-российский рынок и связанную с ним региональную специализацию. А также то, что на плодородных украинских землях сельское хозяйство было вести прибыльнее, чем заниматься промыслами. Не говоря о том, что автоматически переносить на описываемый период современное представление о различиях в доходах населения промышленно развитых и аграрных стран просто некорректно. В довольно слабо развитых в промышленном отношении великорусских губерниях первой половины XIX столетия промыслы играли вспомогательную роль и практиковались именно потому, что на нечерноземных землях сельское хозяйство было мало доходным. Неужели авторов этому не учили?

Пойдем дальше. В пореформенную эпоху на Украине «на железнодорожном строительстве отразились уже названные выше колониальные тенденции российской экономической политики. Российское правительство в первую очередь строило (или содействовало строительству) те магистрали, которые соединяли украинские земли не с украинскими городами, а с московским промышленным районом» (С. 161). Неужели и при выведении этого вывода авторы тоже «забыли» про единство национального рынка? Про исторически сложившуюся систему коммуникаций, которую линии железных дорог лишь повторяли?

Отвлечемся, однако, от экономических сюжетов⁸. Коснемся, например, системы образования. Что же получим? «Пребывание в составе России привело Украину к образовательному регрессу. Его масштабы были особенно тяжелыми для этнических украинцев, среди которых лишь 13% в 1897 году умели читать. И это в условиях, когда среди русских, которые жили в Украине (главным образом в городах), образованных было в два раза больше, а среди евреев Украины — в три раза больше, чем среди украинцев» (С. 259). Авторы аккуратно «забывают», что уровень образования в среде горожан в XIX веке был повсеместно (в том числе и в великорусских губерниях) вообще более высоким, чем среди крестьян? Хотелось бы в это верить...

Заканчивая разговор об этой малоприятной книге, ограничимся лишь перечнем важных событий нашей общей истории, активное участие в которых украинцев неоспоримо, но которые не всегда даже упоминаются в тексте. К их числу относятся Крымская война (1853—1856), происходившая на территории нынешней Украины, деятельность Южного союза русских рабочих (Одесса), вклад украинцев в культуру русского Серебряного века, включая такие блестящие примеры, как деятельность поэтессы А. Ахматовой (Горенко), киевского и нежинского профессора, участника революции 1905 года историка В. Пискорского, научная деятельность выдающихся ученых братьев Вернадских и др. Впрочем, последнее вполне объяснимо: из числа «русифицировавшихся» украинцев место находится только Н. Гоголю. Об остальных же авторы отзываются с нескрываемым презрением (см., например, С. 77 и др.).

Обратимся теперь к учебнику, написанному коллективом авторов для 11 класса, цитату из которого мы привели выше. Заметим, что общая тональность его содержания не вызывает раздражения. Об абсолютном большинстве сюжетов авторы рассуждают спокойно и объективно. Но примеры все той же «забывчивости» встречаются и здесь. Так, например, из раздела по истории участия Украины в Великой Отечественной войне (см С. 14—83) «выпало» описание многих важнейших сражений осени 1941-го — декабря 1942 года. Сражения в Белоруссии, блокада Ленинграда, битвы под Москвой, за Кавказ даже не упоминаются; а о Сталинградском сражении упоминается много позднее и вскользь. Авторы прерываются после описания последних боев в Ворошиловградской области (июль 1942-го). Затем рассказ

⁸ Без комментариев приведем лишь ссылку на документ с красноречивым названием: «Экономическая эксплуатация Украины» (С. 299—300). На соседней странице (см. С. 298) подобное же стенограммное касается налогового режима (как будто в великорусских губерниях он был ниже...). И это при том, что, по нашим собственным воспоминаниям позднего советского времени, стенограмм о том, сколько жадная Россия «вывозит» с «ридных нэньки», были постоянными едва ли не в любой украинской интеллигентной компании (а ведь в тот период Украинская ССР являлась, в отличие от РСФСР, дотационной республикой). Казалось бы, в постсоветский период, когда толпы желающих заработать потянулись не из России на «нэзалэжну» Украину, а наоборот, все должно было встать на свои места. Но, видимо, «старые песни о главном» все еще популярны в среде украинской интеллигенции...

возобновляется на событиях, связанных с вступлением советских войск на украинскую землю на завершающем этапе Сталинградской битвы. Далее коротко сообщается о битве под Курском. Затем следует подробный рассказ об освобождении Украины (но не Белоруссии). Все завершается кратким описанием военного пути 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов после их выхода на границу СССР. Таким образом, война представляется как тяжелейшее испытание украинского народа, но о ее историческом значении для Советского Союза и Европы в целом говорится очень коротко.

К числу других характерных примеров авторского «склероза» следует отнести умолчание о «славном» боевом пути дивизии СС «Галичина» (см. С. 38): мы узнаем главным образом то, что вступившие в нее украинцы были обмануты. Из подробного рассказа о «подвигах» ОУН/УПА исчезли упоминания о таких «великих» подвигах, как массовое уничтожение польского населения на Западной Украине. Комментировать подобные лакуны не хочется — слишком уж они, что называется, шиты белыми нитками...

К счастью, в общем прискорбном ряду можно указать и на некоторые исключения (хотя, увы, и не абсолютные). Первое — это учебник Р. Ляха и Н. Темировой для 7 класса. В отличие от откровенно националистического введения (особенно см. С. 4), основная часть текста выдержана во вполне корректных тонах. Ярko и захватывающе рассказывается о догосударственном периоде истории территории Украины, ее древнейшем населении — от киммерийцев и скифов до греческих колонистов, — славянах, Киевской Руси (хотя замечание об исключительных правах украинцев на ее наследие (см. С. 239) оставляем на совести авторов). В отличие от учебника В. Власова и О. Данилевской, из текста Р. Ляха и Н. Темировой ученик поймет, что поход Батые на земли Руси начался не с Переяславля, а с Рязани и Владимира (см. С. 206 и далее). Еще раньше на своем месте, то есть как киевский князь, упоминается и Юрий Долгорукий (правда, об основании им Москвы авторы умалчивают). В общем, не идеально, но, как говорится, и не столь фальшиво.

Может, правда, показаться, что Р. Ляху и Н. Темировой просто «повезло» с периодом, заканчивающимся концом XV века и не включающим наиболее болезненные для русско-украинских отношений сюжеты. Что ж, возможно, и не без этого. Но вот другой пример — учебник уже упоминавшегося Ф. Турченко для 9 класса. Рассматриваемая им эпоха (1914—1939 годы) не относится к числу «простых» в означенном выше смысле. Кроме того, автор не скрывает своих собственных, ощутимо националистических, взглядов. И все же он не позволяет себе подтасовок, подобных продемонстрированным выше. Рассуждая в спокойном, в целом — нейтральном тоне, он излагает события даже такого острого для наших народов явления, как Голодомор. В учебнике Ф. Турченко это страшное, трагическое событие предстает именно как *трагедия*, а не как средство сведения политических и прочих счетов (см. С. 294—300). Находит он взвешенные слова и для характеристики руководителей Советской Украины — Х. Раковского, Г. Петровского и др.

Разумеется, и здесь можно найти малоудачные выражения. Так, например, украинский клир, не желавший уходить из-под власти Московского патриархата, он называет «реакционным» (см. С. 215—217). При крайне подробном описании хода Гражданской войны на Украине (см. С. 97 и далее) он даже ретроспективно не представляет хотя бы перечня главных вех этого конфликта в целом. Наконец, явно недостаточно информации об украинцах, работавших в центральных партийных органах (П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко, Н. С. Хрущеве и др.). Крайне мало ее, впрочем, и об украин-

цах — деятелях науки и культуры, работавших в России и внесших вклад в духовную жизнь всей огромной страны, а главное — думавших и писавших на русском языке. Разумеется, причины не вызывают сомнений: националистически настроенные авторы не желают признавать того, что Советский Союз, как и Российская империя, были государствами и украинцев тоже. Гораздо приятнее рассказывать красивую легенду об искусственно разорванной чужими границами нации, призванной воевать друг с другом за чужие интересы в Первую мировую войну и страдавшей от национального гнета под иноземным господством в мирное время.

И все же, как показывает пример учебника Ф. Турченко, даже в этом своем априорном стремлении можно соблюдать некоторую разумную меру. В целом примеры, подобные приведенным выше, для его текста не характерны. Наоборот, позитивное впечатление оставляет предпринятая им попытка уйти от огульного охаивания всего советского, признать положительные аспекты советского периода довоенной истории Украины. Главным же, пожалуй, является то, что, при всех оговорках, Ф. Турченко рассматривает СССР как важный этап в истории украинской нации, в ходе которого ею был решен целый ряд значимых политических и культурных задач. Как же сильно отличается этот подход от плоских, одномерных оценок украинских историков-эмигрантов, в частности И. Лысяка-Рудницкого!

Но даже два последних примера относительно уравновешенных по содержанию учебников неспособны изменить общее впечатление. Кажется, тенденция налицо: многовековое взаимодействие разных ветвей одного — русского — народа, возможно, не всегда однозначное по характеру, но неизменно плодотворное по последствиям, видимо, уходит в историю. Новое поколение, выросшее на такого рода учебниках, едва ли сформируется в духе подлинного русского патриотизма. Хотя бы потому, что человечество давно уже вступило в информационный век, когда выжечь память о прошлом каленым железом стало невозможно. И эта неудобная память сплошь и рядом будет вторгаться во внешне совершенный и логически непротиворечивый украинский националистический миф.

Почему мы употребляем термин «националистический», спросит нас читатель? Причина этого в том, чем, собственно, национализм отличается от патриотизма. Патриотизм учит любить свой народ; национализм учит ненавидеть другие. И именно на создание образа врага направлена современная государственная пропаганда украинской правящей элиты. Врага в лице России, русского народа. Только таким образом идеологи украинского национализма и могут вколотить в массовое сознание молодежи ложное убеждение о том, что украинец не может быть русским, что русский язык — это не язык государства Украина, что украинская культура не является составной частью русской культуры и что великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь писал на русском языке не потому, что считал его своим родным, а потому что был «русифицированным» украинцем.

Современное государство Украина стараниями своих идеологов-основателей, большинство которых было выходцами из идеологического отдела компартии Украины, под видом избавления от коммунистического наследия усердно избавлялось от всего русского в построении новой государственности, для чего выискивались любые поводы и предлоги. В результате чего гимн Украины является стилизованным гимном Польши (сравните: «Ще не вмэрла Украина» и «Еще Польша не сгинэла!»), как, впрочем стилизован и флаг Украины (в свое время Петлюра сделал флаг двухполосным — как у Польши; хоро-

шо еще, что догадался использовать другие цвета). Флаг ВМФ вообще «содран» с флага кайзеровских ВМФ (Германия на такое не решилась). И так далее...

И в заключение вернемся к тому, с чего мы начинали — с романтизации национализма. К нам в руки попало весьма интересное издание — труды Симона Петлюры. Пусть читатель оценит название, которое выбрали для сборника его составители — «Главный атаман в плену несбыточных надежд», а также помещенный далее опус из введения к книге:

«...Современное независимое украинское государство, символика которого — это символика Украинской Народной Республики (УНР), должно отдавать дань уважения ее руководителю, главе государства в период революции и Гражданской войны, независимо от того, насколько мы сейчас принимаем политическую идеологию, которой он придерживался в то давнее время. Не разделяет же сейчас вся Польша политическую философию маршала Пилсудского, однако поляки поставили ему памятник на самом почетном месте в Варшаве! Правда, существенная разница между этими двумя деятелями заключается в том, что Пилсудский завоевал независимость для своей страны, а Петлюра — нет. Но это делает фигуру Петлюры лишь более трагической и, может быть, даже более достойной национальной памяти».

Вот так! Трагический романтик, воюющий за независимость якобы уже существующего государства! Но дальше — больше: «И если мы признаем, что путь, на котором Украину ожидало менее всего горя и на котором она потеряла бы меньше всего человеческих жизней, был путем национальной независимой государственности, то должны признать и то, что именно Симон Петлюра был самой значимой исторической фигурой на этом пути». Или такое «очевидное» для авторов новой националистической поделки изречение: «Петлюра ощущал себя ближе к Богу. Но ему не везло»⁹.

Авторы указанной нами книги почему-то не рассматривают Петлюру как жесткого националиста, местечкового украинского фюрера — иначе бы им пришлось объяснить многое, в том числе и родовое пятно всякого национализма, его отвратительное свойство, срывающее налет романтики с националистического мифа и открывающее его звериную сущность, а именно — антисемитизм. Или они не читали Булгакова, не знают про погромы? Навряд ли. И при том — книга издана в России, и в роли ее составителя выступил В. И. Мироненко, бывший в советское время руководителем украинского комсомола, а затем — первым секретарем ЦК ВЛКСМ.

Остается только надеяться, что историческая память нашего единого народа будет вторгаться в украинский националистический миф книгами и фильмами советской эпохи, сохраняющимся живым русским языком, теми обрывочными элементами высокой русской культуры, которые неизбежно вбирает в себя культура массовая. Подобных бессистемных вторжений будет, разумеется, недостаточно для того, чтобы выстроить целостную альтернативу. Но ее с избытком хватит для того, чтобы шаг за шагом подточить самую сердцевину искусственного образа замученной «москалями» «ридной нэнки». И русским историкам необходимо реагировать на подобные проявления украинского национализма так же резко, как они реагируют на лженаучные теории о смещении летосчисления, столь модные в последнее время. Ибо вкусившие от националистического мифа, траченного временем и уже давно лишенного сладкого ореола запретности, будут становиться не патриотами, а не помнящими родства циничными манкуртами. ♦

⁹ Петлюра Симон. Главный атаман. В плену несбыточных надежд. М.; СПб., 2008. С. 5, 33.